

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выгиску въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія шестой.

ОКТЯБРЬ.

№ 24.

1913.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

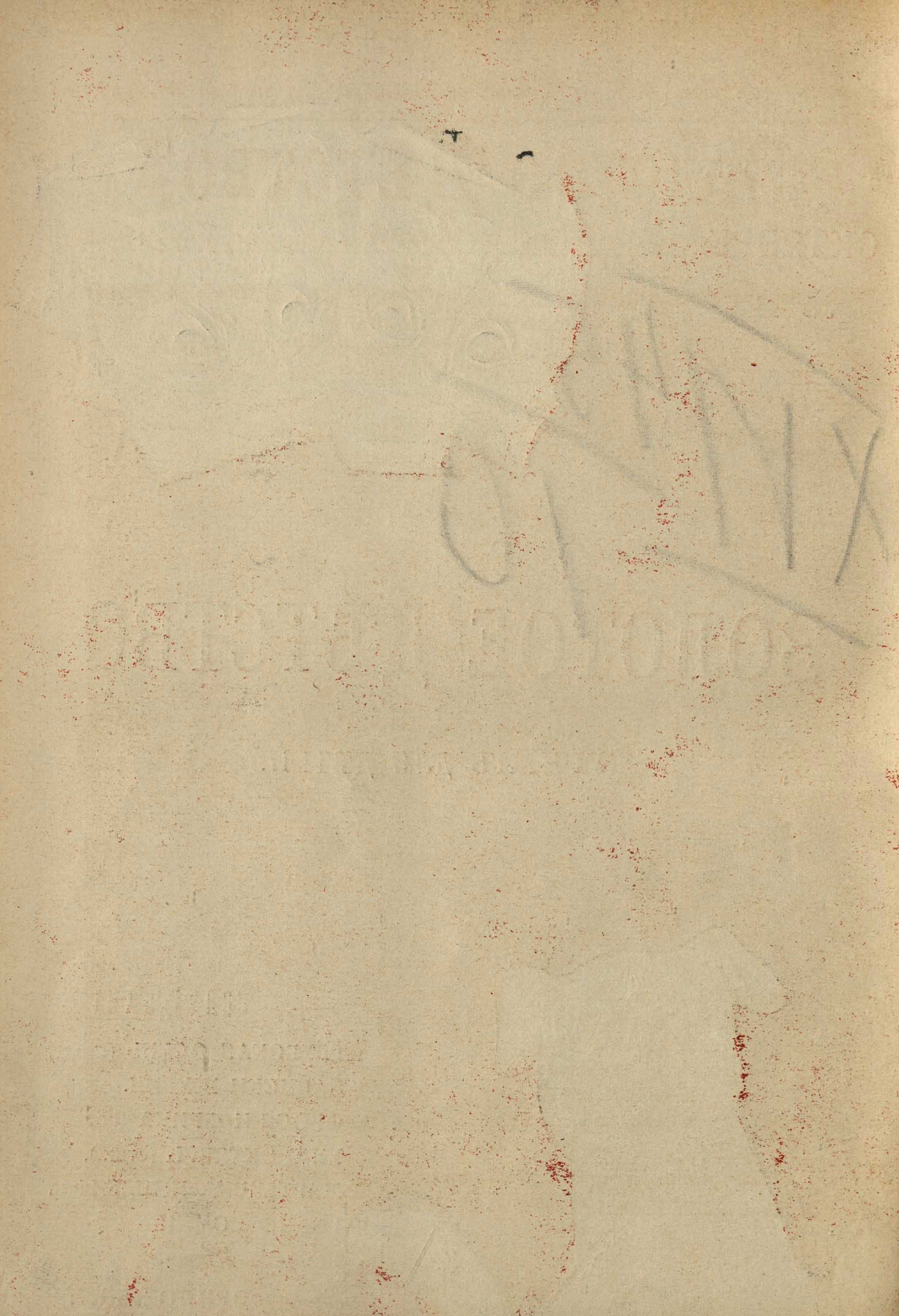
ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ГЛУБОКАЯ ОСЕНЬ (стих.).
ЗАПИСКИ ЖУРКИ.
ФРОСЯ И ФРИНА (повѣсть).
УЖЕ ОКТЯБРЬ (стих.).
МАРТЫШКА И ШЛЕИФЪ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Часъ обѣда.

ГЛУБОКАЯ ОСЕНЬ.

Не свѣтитъ солнышко съ небесь,
 Молчитъ угрюмо хмурый лѣсъ,
 И вереницею веселой
 Надъ опустѣвшей клумбой голой
 Ужъ не порхаютъ мотыльки.
 Мертво и сѣро у рѣки.
 Тоскуетъ бѣдная природа;
 Что день—то злѣе непогода,
 Безъ листьевъ яблоньки стоятъ,
 Въ саду неслышно ужъ ребячь
 И такъ кругомъ сѣро, уныло,
 Какъ никогда еще не было.
 Съ утра до ночи дождь идетъ

И вѣтеръ вѣтки книзу гнетъ;
 Цвѣтовъ ужъ нѣтъ, однѣ лишь
 палки
 На клумбахъ все еще торчатъ,
 Птиць тоже нѣтъ и только галки
 Летають стаей и кричатъ.
 Повсюду лѣтній шумъ умолкъ,
 Сталь ночью выть голодный волкъ,
 Озябли бѣдные осинки,
 И, точно стая бѣлыхъ мухъ,
 Слетаютъ легкія снѣжинки
 И покрываютъ все, какъ пухъ.

Кузничикъ.

ЗАПИСКИ ЖУРКИ.

Быль еще холодный, ранній, весенній день. Болото стало уже зеленѣть и кое-гдѣ изъ него уже показались осока и пырей. На прибрежныхъ кустахъ появились первые свѣтло-зелененькіе листочки.

— Здѣсь! сказалъ я своей супругѣ, съ которой только-что возвратился на родину изъ далекаго Египта.—Здѣсь я родился и здѣсь мы будемъ выводить дѣтей.

Мы спустились внизъ, широко описывая въ воздухѣ круги и довольные, что наконецъ-то до-

брались до родныхъ мѣсть. Мы пролетѣли изъ Африки четыре тысячи верстъ и намъ было пріятно попасть наконецъ домой. Мы степенно походили по болоту, покормились съ дороги и почти тотчасъ-же принялись за устройство гнѣзда. На срединѣ болота былъ маленькій островокъ, на которомъ росъ кустъ ѣвняка. Его-то мы и выбрали себѣ для гнѣздовья. Мы, журавли,—плохіе мастера по части устройства гнѣздъ и дѣлали себѣ жилище просто и нескладно: мы собирали сухіе прутья, листья

прошлогодняго тростника и сносили все это къ себѣ на островѣ, укладывали въ кружокъ и скрѣпляли грязью. Цѣлую недѣлю мы лѣпили себѣ гнѣздо и наконецъ остались имъ довольны. Моя подруга усѣлась въ него и снесла два большихъ зеленоватыхъ продолговатой формы яйца съ красноватыми пятнами и сѣла на нихъ. Посидѣвъ три часа, она встала, вытянулась во весь ростъ и замачала крыльями.

— Устала! сказала она.—Посиди теперь ты.

Я сѣлъ вмѣсто нея на яйца, просидѣлъ тоже три часа и тоже усталъ сидѣть на колѣнкахъ.

— Садись теперь ты! сказалъ я и уступилъ своей супругѣ мѣсто.

Такъ мы чередовались по три часа цѣлые 21 день и наконецъ у насъ вывелись птенцы. Они могли-бы вамъ показаться безобразными, но для насъ они были прекрасны: маленькіе, рыженькіе, покрытые пушкомъ, на необыкновенно длинныхъ ногахъ, которыя заплетались у нихъ, такъ что они походили на пьяныхъ, шедшихъ домой на высокихъ ходуляхъ. Они сидѣли въ гнѣздѣ, беспомощно пищали и просили каждую минуту ѣсть.

— Ну, теперь намъ придется потрудиться! сказала моя супруга.—Шутка-ли выкормить двухъ такихъ большихъ птицъ!

И оба мы принялись за ихъ вос-

питаніе. Мы набирали въ клювы простой тины, всовывали ихъ въ рты своихъ ребятъ и изрыгали эту тину имъ прямо въ самыя горла. Имъ оставалось только проглотить. Въ тинѣ попадались червячки и питательныя растительныя вещества, которыя собственно и были необходимы для нашихъ ребятъ. Ъли они ужасно много и мы все время проводили только въ томъ, что ихъ кормили. Только черезъ двѣ недѣли они подросли настолько, что вышли изъ гнѣзда и стали уже сами расхаживать по болоту и плотать тину.

— А теперь давайте учиться летать! сказалъ я, когда мои дѣти выросли уже настолько, что изъ рыжихъ стали сѣрыми.—Уже пора!

Я и жена принялись за ихъ ученіе. Они долго съ пискомъ и курлыканьемъ описывали надъ болотомъ круги и затѣмъ, въ одно прекрасное утро, простились съ нами и улетѣли отъ насъ до начала сентября.

— До свиданья! сказали они намъ.—Спасибо вамъ! Теперь ужъ мы позаботимся о себѣ и сами!

И мы, взрослые, остались одни. Въ это время со мною произошло несчастье. Около нашего болота проходилъ охотникъ. Онъ выстрѣлилъ въ какую-то птицу и одна изъ дробинокъ нечаянно попала мнѣ въ плечо. Охотникъ не замѣтилъ меня, прошелъ мимо, но плечо

еще долго болѣло у меня и я не могъ двинуть крыломъ. Это ужасало меня. „Неужели-же я не буду больше летать?“ думалъ я. Но судьба сжалилась надо мной, дробина заросла у меня въ плечѣ и я снова сталъ двигать крыломъ, хотя и не такъ быстро и сильно, какъ дѣлалъ это до сихъ поръ. А тѣмъ временемъ прошелъ конецъ іюля, промчался августъ и наступила осень. Сентябрь былъ особенно буренъ и дождливъ. Падалъ хлопьями снѣгъ, который тотчасъ-же и таялъ, все какъ-то сразу затихло въ природѣ и казалось, что готова уже наступить зима. Въ это-то время мы и услышали высоко въ небѣ звукъ: „куррны... куррны...“ это летѣлъ журавль, нашъ вожакъ, который сзывалъ насъ къ отлету въ теплыя края.

— Пора! Пора! кричалъ онъ намъ съ высоты.—Собирайтесь къ отлету!

Какое-то странное, тревожное чувство шевельнулось въ нашей груди. Насъ вдругъ ужасно куда-то потянуло, намъ захотѣлось летѣть, далеко, за студенныя моря, въ чужіе края, хотя и жаль было разставаться съ родиной. Мы простились съ роднымъ болотомъ, взмахнули крыльями и перелетѣли туда, гдѣ уже собралось десятка два такихъ-же журавлей, какъ и мы. Всѣ они взмахивали крыльями, топтались на мѣстѣ и громко кричали:

— Пора! Пора!

Здѣсь мы нашли и двухъ нашихъ дѣтей. Теперь это были уже взрослые птицы, которыя тоже размахивали крыльями и требовали, чтобы и ихъ тоже вели въ теплые края.

— Мы не хотимъ здѣсь оставаться! кричали они.—Мы должны далеко летѣть! Какая-то сила, которой мы не знаемъ, влечетъ насъ куда-то далеко!

Мы выстроились косякомъ и полетѣли на югъ. Впереди, во главѣ косяка, летѣлъ нашъ вожакъ, за нимъ въ обѣ стороны косяка тянулась молодежь, а позади всѣхъ, на одной изъ сторонъ—летѣли жена и я.

— Прощайте до весны! кричали намъ попадавшіеся намъ по пути люди и ласково махали намъ шапками и руками. — Счастливаго пути!

Мы жалостно кричали въ воздухъ, но таковъ былъ нашъ крикъ отъ природы, и людямъ могло казаться, что намъ грустно было разставаться съ родными мѣстами и летѣть хотя и въ прекрасныя, но чужія мѣста. Впрочемъ, они были правы.

Двое сутокъ спустя, мы прилетѣли къ Азовскому морю. Перелетѣть черезъ него, черезъ Черное море и попасть на мѣсто нашей зимовки въ Египетъ—взяло бы отъ насъ еще двое сутокъ,—но уже цѣлую недѣлю съ моря

дулъ сильнѣйшей вѣтеръ. Онъ все рвалъ и металъ на своемъ пути, дулъ намъ на встрѣчу и мѣшалъ намъ летѣть. Я ужасно усталъ. Когда-же мы завидѣли издалека море, то волны на немъ зловѣще шумѣли, катясь къ берегу, и обдавали брызгами камни. Деревья массаи осыпали свои пожелтѣвшіе листья. До насъ доносилось, какъ внизу, въ деревняхъ, жалобно и нудно выли собаки.

— Быть бѣдѣ! сказалъ я своей женѣ.— Встрѣчный вѣтеръ мѣшаетъ мнѣ летѣть. Я уже не въ силахъ двигать больнымъ крыломъ! Намъ нужно было-бы отдохнуть.

Но вожакъ ничего не хотѣлъ знать и мы покорно и безропотно продолжали за нимъ слѣдовать.

— Не летите! Переждите непогоду! говорили намъ встрѣчныя куропатки.— Мы сами видѣли, какъ цѣлое стадо утокъ оказалось не въ силахъ бороться противъ встрѣчнаго вѣтра—и все упало въ море!

Въ послѣдніе часы ночи какъ-то особенно сильно дулъ вѣтеръ. Море шумѣло такъ, что, казалось, будто его волны хотѣли выскочить на берегъ и поглотить всю землю. Когда-же настало утро, то мы пролетали уже надъ самымъ берегомъ. То, что я тамъ увидѣлъ, заставило болѣзненно сжаться мое сердце. У самаго берега, по гребнямъ волнъ, болтались мертвыя утки. Ихъ было цѣлое стадо и всѣ онѣ были мертвы.

— Бѣдняжки!.. воскликнулъ я.— Неужели это-же самое будетъ и со мной?

И мною овладѣлъ безумный страхъ. Намъ предстояло летѣть еще двое сутокъ, а между тѣмъ я уже выбивался изъ силъ и не могъ летѣть дальше. Прострѣленное плечо ныло такъ, что я едва могъ пересиливать боль, а крыло уже отказывалось мнѣ служить.

— Я не могу, сказалъ я женѣ.— Я сейчасъ упаду въ море!

— Бодрись! твердила она мнѣ.

— Но у меня болитъ плечо и плохо двигается крыло!

Она хотѣла мнѣ что-то сказать, но въ это время ужасный порывъ вѣтра отбросилъ меня въ сторону и я отдѣлился отъ своего каравана. Я хотѣлъ его догнать, и быстро, насколько могъ, замахалъ крыльями, но вторичнымъ порывомъ вѣтра меня подхватило, перевернуло и понесло къ волнамъ. Я замеръ отъ ужаса. Если-бы я продолжалъ летѣть за своими, то навѣрное погибъ-бы, но, къ счастью, берегъ былъ недалеко и меня понесло вѣтромъ назадъ.

— Прощайте! Прощайте! закричалъ я своимъ.

Они крикнули мнѣ что-то въ отвѣтъ и я разстался съ ними навсегда.

Теперь уже я летѣлъ легко, потому-что вѣтеръ подгонялъ меня. Подо мной тянулся плоскій, безжизненный берегъ и вдаль вид-

нѣлась группа деревьевъ. Это была чья-то усадьба. Съ жалобнымъ крикомъ я полетѣлъ къ ней и опустился тамъ прямо на дворъ. Въ это время хозяйка дома кормила куръ. Увидѣвъ меня, куры испугались и съ тревожными криками разбѣжались въ разныя стороны. Я подошелъ къ хозяйкѣ и сталъ безбоязненно клевать около нея размоченные для куръ сухари.

— Ахъ, ты, мой голубчикъ! сказала она.—Къ намъ счастье принесъ! Ну, ѣшь, ѣшь на здоровье!

Недалеко стоялъ мальчикъ. Увидѣвъ меня, онъ опрометью бросился къ дому и громко закричалъ:

— Къ намъ прилетѣлъ журавль! Идите сюда всѣ!

Изъ дома выскочили мужчины и женщины и стали на меня смотреть. Въ это время куры уже успокоились и тоже стали ѣсть. Я не обращалъ на нихъ ровно никакого вниманія и спокойно продолжалъ удовлетворять свой голодь. Затѣмъ, наѣвшись, я широко расправилъ крылья, звонко крикнулъ и, взлетѣвъ на воздухъ, описалъ кругъ надъ всей усадьбой и снова опустился на дворъ. Я хотѣлъ было улетѣть въ погоню за своими, но не смогъ: у меня сильно болѣло плечо.

„Что-жь, подумалъ я.—Придется остаться здѣсь!..“

И я остался въ усадьбѣ совсѣмъ. Я оглядѣлся вокругъ себя и, не смотря на то, что за мной ходили

толпой и взрослые и дѣти и ожидали, что я буду дѣлать, я сталъ довѣрчиво прохаживаться по двору, перешелъ затѣмъ въ садъ и сталъ щипать траву.

— Оставьте его, дѣти, сказала хозяйка.—Теперь ужъ онъ не улетитъ! Разъ ужъ онъ сѣлъ на дворъ, то останется въ немъ до слѣдующей осени! Такая ужъ онъ птица!

И дѣйствительно, я скоро привыкъ къ людямъ и къ животнымъ въ этой усадьбѣ и сталъ въ ней домашней птицей. Я расхаживалъ по двору, чувствовалъ себя, какъ дома, не желалъ ничего лучшаго и, по мѣрѣ силъ и возможности, старался быть полезнымъ. Какъ большой любитель порядка, я слѣдилъ, чтобы вездѣ было спокойно, и стоило только подраться двумъ пѣтухамъ, какъ я тотчасъ-же былъ около нихъ и ударомъ клюва по ихъ спинамъ разнималъ ихъ и прекращалъ драку. Если выходила на дворъ кошка и на нее вдругъ нападала собака, и кошка, оцетившись, собиралась ударить лапами собаку по мордѣ, то я подбѣгалъ къ нимъ, становился между ними и, замахавъ крыльями, прекращалъ ихъ ссору. Когда козы вспрыгивали на заборъ и начинали бѣгать по нему, какъ акробаты, то я взлеталъ на воздухъ и чувствительными ударами клюва старался согнать ихъ съ забора. Когда онѣ спрыгивали внизъ, то

слеталъ внизъ и я и долго затѣмъ хлопоталъ около нихъ, загоня ихъ въ уголокъ двора, гдѣ онѣ обыкновенно лежали на солнышкѣ и жевали жвачку.

Почему-то особенно полюбилъ я кучера Гаврилу. Стоило только ему выйти утромъ изъ людской, какъ я тотчасъ-же подбѣгалъ къ нему, издавая звонкій крикъ, и начиналъ передъ нимъ прыгать на одномъ мѣстѣ.

— Смотрите! кричалъ онъ.— Журавль танцуетъ!

И всѣ выходили смотрѣть и удивлялись, что я умѣлъ танцовать.

Любилъ я также и хозяйку. Обыкновенно она кормила меня сама. Когда оканчивалась кормежка и она уходила со двора въ домъ, то я слѣдовалъ за нею, обходилъ съ нею всѣ комнаты, заглядывалъ въ каждый уголокъ и, завидѣвъ кошку, начиналъ передъ ней танцовать. Она пугалась меня и убѣгала—и это меня очень забавляло.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ всѣ въ усадьбѣ меня очень полюбили. Да и я самъ тоже былъ очень общителенъ и любилъ дѣтей. Гдѣ-бы они ни собирались, я всегда былъ около нихъ, кланялся имъ, танцовалъ, прыгалъ передъ ними на одной ногѣ, но обидъ я не сносилъ. Стоило только кому-нибудь меня обидѣть, какъ я уже долго не могъ забыть обиды и

затѣмъ никогда уже не упускалъ случая, чтобы не ударить обидчика сзади клювомъ въ спину.

Блѣ я въ усадьбѣ все, что ѣли и люди. Больше всего я любилъ размоченный въ водѣ хлѣбъ, но ѣлъ и горохъ и овесъ, которыми иногда кормила хозяйка куръ. Когда наступила весна, то я съ наслажденіемъ кушалъ кузнечиковъ, стрекозъ и жуковъ, а лягушекъ я глоталъ прямо живьемъ, такъ что онѣ еще долго шевелились у меня въ зобу. Прежде чѣмъ съѣсть лягушку, я еще долго ходилъ съ нею по саду, держа ее за заднюю лапку. Это доставляло мнѣ удовольствіе. Не могу также умолчать объ одной моей особенности, которую я открылъ въ себѣ, когда жилъ въ усадьбѣ: я очень любилъ музыку. Когда дочь моей хозяйки училась играть на фортепіано и начинала разучивать гаммы, то я всякій разъ подходилъ къ окошку и, склонивъ голову на бокъ, начиналъ слушать. Звуки музыки иногда приводили меня въ такій восторгъ, что я распускалъ крылья и начиналъ отъ удовольствія топтаться на мѣстѣ.

— Журавль танцуетъ! кричали дѣти, указывая на меня.— Нина, сыграй камаринскую!

Дѣвочка начинала играть что-то веселое и я продолжалъ прыгать до тѣхъ поръ, пока она не кончала или пока я не уставалъ.

Горная рѣчка на Кавказѣ.

Въ дождь.

Но вотъ прошли весна и лѣто и снова наступилъ сентябрь. Пожелтѣли листья, залетали въ воздухъ паутинки и высоко надъ усадьбой потянулись караваны гусей, утокъ и лебедей, улетающихъ на зиму въ теплые края. Ахъ, какъ и мнѣ тоже вдругъ захотѣлось летѣть куда-нибудь далеко-далеко, за тридевять земель, черезъ моря, горы и лѣса! Какая-то тайная сила охватила меня всего и повлекла за собою вдаль. Я громко вскрикнулъ и расправилъ крылья. Теперь я былъ уже силенъ, плечо выздоровѣло у меня совсѣмъ и я могъ-бы летѣть цѣлыя тысячи верстъ. Но куда я могъ летѣть? Съ кѣмъ я могъ-бы отправиться въ путь?

И я ходилъ по всей усадьбѣ, махалъ крыльями, вскрикивалъ или подолгу, не шевелясь, стоялъ на одной ногѣ и прислушивался.

— Нашъ журка хочетъ улетѣть!.. говорилъ кучеръ Гаврила.—Уже начался птичій перелетъ и потянуло и его.

И вдругъ, какъ-то раннимъ утромъ я услышалъ надъ собой въ глубокой синевѣ неба знакомые, жалобные крики „куррны!.. куррны!..“ Я поднялъ голову и увидѣлъ, что это летѣлъ караванъ журавлей. Сердце во мнѣ забилося, счастье свободы наполнило меня всего, я замахалъ крыльями и звонко имъ закричалъ:

— Подождите! Возьмите съ собой и меня!

И до меня долетѣлъ чуть слышимый отвѣтъ:

— Лети!

Я взмахнулъ крыльями и, не помня себя отъ радости, помчался къ нимъ. Усадьба, деревья, мельницы—все это осталось далеко подо мною, а вокругъ меня было необъятное пространство воздуха и надо мною синѣло голубое хрустальное небо. Я видѣлъ, какъ на дворъ вышли Гаврила, хозяйка, дѣти и съ грустью стали смотрѣть мнѣ вслѣдъ.

— Прощайте! крикнулъ я имъ.— Спасибо вамъ за все!

И вотъ я опять лечу въ обществѣ журавлей. Какъ и въ тотъ разъ, я нахожусь въ хвостѣ, но теперь я уже силенъ и не отстаю. Подъ нами тянется сѣрое Азовское море, потомъ я вижу подъ собой Керченскій проливъ и Керчь, и вотъ мы надъ прекраснымъ Чернымъ моремъ. Оно тихо, спокойно и отлиываетъ бирюзой. Какъ все это не похоже на то, что было въ прошломъ году! Теперь мы летѣли въ тихую, ясную погоду, все благопріятствовало нашему путешествію и на другіе сутки мы наконецъ прибыли въ Египетъ. Здѣсь мы должны были зимовать. Широкій Ниль голубой лентой потянулся подъ нами и на его берегахъ мы увидали развалины древнихъ городовъ и цѣлый рядъ

высокихъ пирамидъ. Здѣсь когда-то жили Фараоны. Вотъ громадныя сфинксы, занесенныя по шею песками. Высокія пальмы стоятъ по берегамъ Нила и шелестятъ твердой листвою отъ набѣгающаго легкаго вѣтерка. Въ воздухѣ жарко. Мы спускаемся на землю и поселяемся въ заросляхъ на берегу.

Путь нашъ конченъ. Здѣсь прекрасно, тепло, но мнѣ какъ-то грустно и та сила, которая влекла меня въ теплыя края и побуждала къ перелету, уже больше не дѣйствуетъ на меня и я чувствую, что дальше мнѣ летѣть уже не къ чему и нельзя и что я долженъ остаться здѣсь до весны. Таковъ законъ природы. Но я былъ увѣренъ, что весною я вернусь на родину опять, снова обзаведусь семьей и что какъ-бы ни было плохо и неуютно наше родное, сѣверное болото, лучше и прекраснѣе его для меня уже не будетъ ничего, потому что я родился въ немъ и привыкъ его любить.

И, дѣйствительно, какъ только наступила весна, меня опять потянуло къ перелету, но я уже летѣлъ теперь въ Россію съ радостнымъ чувствомъ, что для меня должна начаться новая жизнь и

что у меня будетъ теперь своя собственная семья. Впереди меня летѣла моя новая подруга и мы оба мечтали и считали часы, когда вдругъ увидимъ подъ собою еще уцѣлѣвшій отъ таянія рыхлый снѣжокъ или свѣженькіе душистые, свѣтло-зеленыя листочки березы.

Но вотъ ужъ и Россія. Поетъ пахарь и идетъ за плугомъ. Его лошадка нагнула голову и тянетъ изъ всѣхъ силъ. Трепчатъ въ скворешняхъ скворцы. Высоко, подъ самымъ небомъ, звенятъ жаворонки. Полноводныя рѣки катятъ свои воды къ морямъ. Слышенъ надъ селами церковный звонъ и такъ раздольно, просто и весело во кругъ!

Здравствуй, дорогая родина! Привѣтъ вамъ поля, болота и лѣса! Мы спускаемся въ родное болото на тотъ самый островокъ, на которомъ я жилъ и въ прошломъ году, и принимаемся тотчасъ-же за устройство гнѣзда. Намъ весело и такъ пріятно, когда насъ тихо начинаетъ окутывать бѣлая сѣверная ночь, въ которую, не смотря на усталость, мы еще долго не можемъ и не хотимъ заснуть!

С. Вершининъ.

УЖЕ ОКТЯБРЬ!

Уже октябрь!.. Утрами знобко, Уже октябрь!.. Овесь скосили,
 Къ намъ осень хмурая идетъ, И слышны звуки молотбы...
 Подернулъ лужи тонкій ледъ Давно-ль искали мы грибы?
 И солнце свѣтитъ какъ-то робко. Давно-ль въ лѣсу гурьбой бродили?

И вотъ октябрь!.. Повсюду лужи,
 То дождь, то мокрый снѣгъ идетъ,
 И птичка больше не поетъ
 И такъ дрожить порой отъ стужи!..

Ирисъ.

ФРОСЯ И ФРИНА.

ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе).

Желѣзнодорожный сторожъ Григорьевъ сидѣлъ у себя въ избушкѣ и читалъ вчерашнюю дешевенькую газетку, какъ вдругъ прибѣжала съ почты Фрина и принесла ему въ зубахъ письмо. Онъ принялъ его отъ нея и ласково потрепалъ ее по спинѣ. Затѣмъ онъ распечаталъ конвертъ и прочиталъ:—

„Милый папа, возьми меня къ себѣ.

Твоя дочь Фрося“.

Письмо было кратко, но заставило Григорьева задуматься. Почему его Фрося вдругъ стала про-

ситься къ нему? Вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ ее у Сергѣя Гавриловича, когда еще служилъ у него огородникомъ, и поступилъ на желѣзную дорогу, она не просилась къ нему ни разу? Неужели она соскучилась по немъ?

И Григорьеву вдругъ сдѣлалось пріятно, что его вспомнила дочь.

„Да и почему-бы ее не взять къ себѣ теперь? подумалъ онъ.—

„Теперь у меня избушка, живу я въ ней съ Фриной одинъ, у меня и огородикъ свой, и колодезь, и все хозяйство свое!.. Напишу-ка я

ей, чтобы она и въ самомъ дѣлѣ пріѣхала ко мнѣ! Все-таки своя хозяйка будетъ! Что ей тамъ проживать у чужихъ людей!“

Онъ напился чаю, натопилъ печь поставилъ вариться щи и кашу и вышелъ на улицу. Былъ яркій день, кругомъ распѣвали жаворонки, изъ лѣса, который начинался сейчасъ-же за огородомъ, тянуло свѣжестью и запахомъ березы, и кругомъ было такъ просто и такъ хорошо, что не хотѣлось уходить.

„Она мнѣ разведетъ куръ и гусей“... сталъ мечтать Григорьевъ. „И будетъ у насъ домъ—полная чаша...“

Все еще думая о Фросѣ, онъ пропустилъ пассажирскій поѣздъ, затѣмъ товарный, и возвратился обратно въ сторожку. Пахло въ ней капустой отъ щей и прѣлой кашей и вкусно щекотало въ носу. Онъ досталъ изъ шкафчика бумагу, пузырекъ съ чернилами и перо и написалъ Фросѣ слѣдующій отвѣтъ:

— „Милая моя дочь Евфросинія. При первой-же возможности я приплю тебѣ денегъ на проѣздъ или бесплатный билетъ и ты ко мнѣ пріѣзжай. У меня теперь своя сторожка, есть сарайчикъ для коровы, можно держать куръ и гусей, я развелъ огородъ и посадилъ четыре грядки картошки. Въ лѣсу много грибовъ. Пріѣзжай и ты будешь у меня за хозяйку. Теперь я живу—славу Богу, только одному скучно. Некому сварить обѣдъ

и бѣлье постирать. Кланяйся барину Сергѣю Гаврилычу и барынѣ. Скажи имъ, что я часто ихъ вспоминаю. Остаюсь твой папаша

Иванъ Григорьевъ“.

Онъ запечаталъ это письмо, пошелъ на полустанокъ, дождался почтового поѣзда и самъ опустилъ его въ почтовый вагонъ.

Трое сутокъ спустя, Фрося получила это письмо, прочитала его и не сказала о немъ никому. Она спрятала его и стала поджидать того дня, когда отецъ пришлетъ ей денегъ или бесплатный билетъ, и она поѣдетъ къ нему въ сторожку. И каждое утро она стала мечтать о томъ, какъ она займется у отца своимъ собственнымъ хозяйствомъ, разведетъ у него куръ и гусей и будетъ доить корову, которую они обязательно купятъ. Будущее представлялось ей сладкимъ и безмятежнымъ, она любила о немъ помечтать и съ нетерпѣніемъ ожидала отъ отца письма.

А дни все проходили и проходили, изъ нихъ составлялись недѣли, и жизнь на хуторѣ у Сергѣя Гаврилыча текла своимъ чередомъ.

Однажды Вова предложилъ Настѣ пойти къ морю и наловить тамъ раковъ на обѣдъ.

— Знаешь, здѣсь раки крупные и красные, сказалъ онъ,—не то, что у насъ въ Петербургѣ. Пойдемъ ихъ ловить!

Привыкшая всегда слѣпо повиноваться брату, Настя не возра-

зила, они взяли сѣтки, приманку и отправились къ морю.

— Вотъ ты увидишь, сказаль Вова, какъ дядя и тетя будутъ довольны!

Проходя мимо того мѣста, гдѣ каменная ограда отдѣляла пастбище отъ насажденій, они встрѣтили Фросю. Она сидѣла на своемъ постоянномъ мѣстѣ, вязала и Шарикъ спалъ у ея ногъ. Увидавъ дѣтей, она подняла голову, и съ улыбкой имъ поклонилась.

— Вы куда? спросила она ихъ.

— Мы идемъ на ловлю! отвѣтилъ ей Вова.

Замѣтивъ, что они одни, Фрося съ безпокойствомъ стала оглядываться по сторонамъ.

— Безъ дяди? спросила она.

— Мы не такіе маленькіе, пробурчалъ въ отвѣтъ Вова, — чтобы насъ нужно было провожать!

— Да я не о томъ... Я хочу васъ предупредить, что сейчасъ начнется большое волненіе, потому что перемѣнился вѣтеръ. Видите, какія сразу стали тучи? Да и барашки стали вскакивать по морю! Должно быть, будетъ и дождь!

— Спасибо за предупрежденіе. Постараемся при случаѣ имъ воспользоваться!

Вова сказаль это такимъ высокимъ тономъ, что Фрося не знала, что и подумать.

— Вы не будете обижаться, предложила она, — если пойду съ вами и я?

Братъ и сестра обмѣнялись взглядами.

— Довольно и того, отвѣтила Настя, — что въ Петербургѣ насъ всегда провожала гувернантка. Здѣсь можно и безъ нея...

Они побѣжали къ берегу и Фрося долго смотрѣла имъ вслѣдъ и наконецъ глубоко вздохнула.

— Какъ-бы они не утонули! проговорила она. — Хоть-бы ты, Шарикъ, съ ними пошелъ! На меня они и смотрѣть не хотятъ!

А Вова и Настя направились къ береговымъ камнямъ. Здѣсь они сѣли на песокъ, сняли съ себя башмаки и чулки и перешли въ бродъ къ слѣдующимъ камнямъ, торчавшимъ изъ воды. Но здѣсь вовсе не было видно раковъ.

— Давай перейдемъ вонъ на тотъ камень, указаль Вова сестрѣ на большой камень, грузно выступавшій изъ воды вдаль. Тамъ должно ловиться хорошо!

Они вновь вошли въ воду и перешли ее въ бродъ до того камня. Теперь они были уже далеко отъ берега и ловить имъ никто помѣшать не могъ. Они усѣлись на камень, переждали, когда у нихъ обсохли ноги, и снова обулись.

— Какая глупая эта Фрося! сказала Настя. — Она хотѣла насъ запугать бурей!

И они принялись за ловлю. Но изъ ихъ лова не выходило ничего. Раки имъ не попадались. Тѣмъ не менѣе они такъ увлек-

лись своимъ занятіемъ, что и не замѣтили, какъ туча заволокла все небо, и какъ сталъ дуть рѣзкій сѣверо-восточный вѣтеръ и все море вдругъ стало сѣрымъ и заворчалло. Какъ-то незамѣтно вдругъ прибыла вода и наполнила всѣ мѣста между камнями, такъ что теперь изъ-за волнъ и прибоя уже нельзя было дойти до берега въ бродъ. Волны съ шумомъ полѣзли на камни и все кругомъ вдругъ закипѣло, какъ въ котлѣ.

Но дѣти по прежнему не замѣчали опасности и все ловили и ловили, пока имъ наконецъ не захотѣлось ѣсть.

— Ничего не ловится! сказалъ Вова.

— Мнѣ хочется кушать... отвѣтила ему Настя.—Пойдемъ домой!

Она подняла голову, оглянулась по сторонамъ и, замѣтивъ то, что дѣлалось вокругъ нея, съ ужасомъ закричала:—

— Вова! Вова!

А море въ это время уже съ яростью вспрыгивало на береговые камни, шумѣло, волновалось и цѣлымъ дождемъ брызгъ стало обдавать дѣтей. Вѣтеръ чуть не сбивалъ ихъ съ ногъ и срывалъ съ нихъ шляпы. Громадная масса клокотавшей воды теперь отдѣляла ихъ отъ берега и съ каждой минутой волненіе становилось все сильнѣе и сильнѣе.

— Мы погибли! застонала Настя. Вова попробоваль-было ее успо-

коить, но у него самого стучали отъ страха зубы. Онъ не зналъ теперь, что дѣлать и какъ поступить. Хватятся-ли ихъ дома и помогутъ-ли имъ спастись? Едва-ли. Никто не видалъ, какъ они ушли. Правда, ихъ видѣла Фрося, она знаетъ, что они ушли на море ловить раковъ. Но догадается-ли она, что они именно здѣсь и въ опасности?

— Надо ей крикнуть! посоветовала Настя.— Быть можетъ, она насъ услышитъ!

И они стали звать ее на помощь. За ревомъ непогоды ихъ крики едва были слышны и они не имѣли ни малѣйшей надежды на то, что ихъ голоса долетятъ до Фроси.

— Господи! Господи! восклицала Настя.—Недай намъ утонуть! Помоги намъ выбраться отсюда!

А Вова, приложивъ ладони ко рту, все кричалъ и кричалъ:—

— Фрося! Фрося!

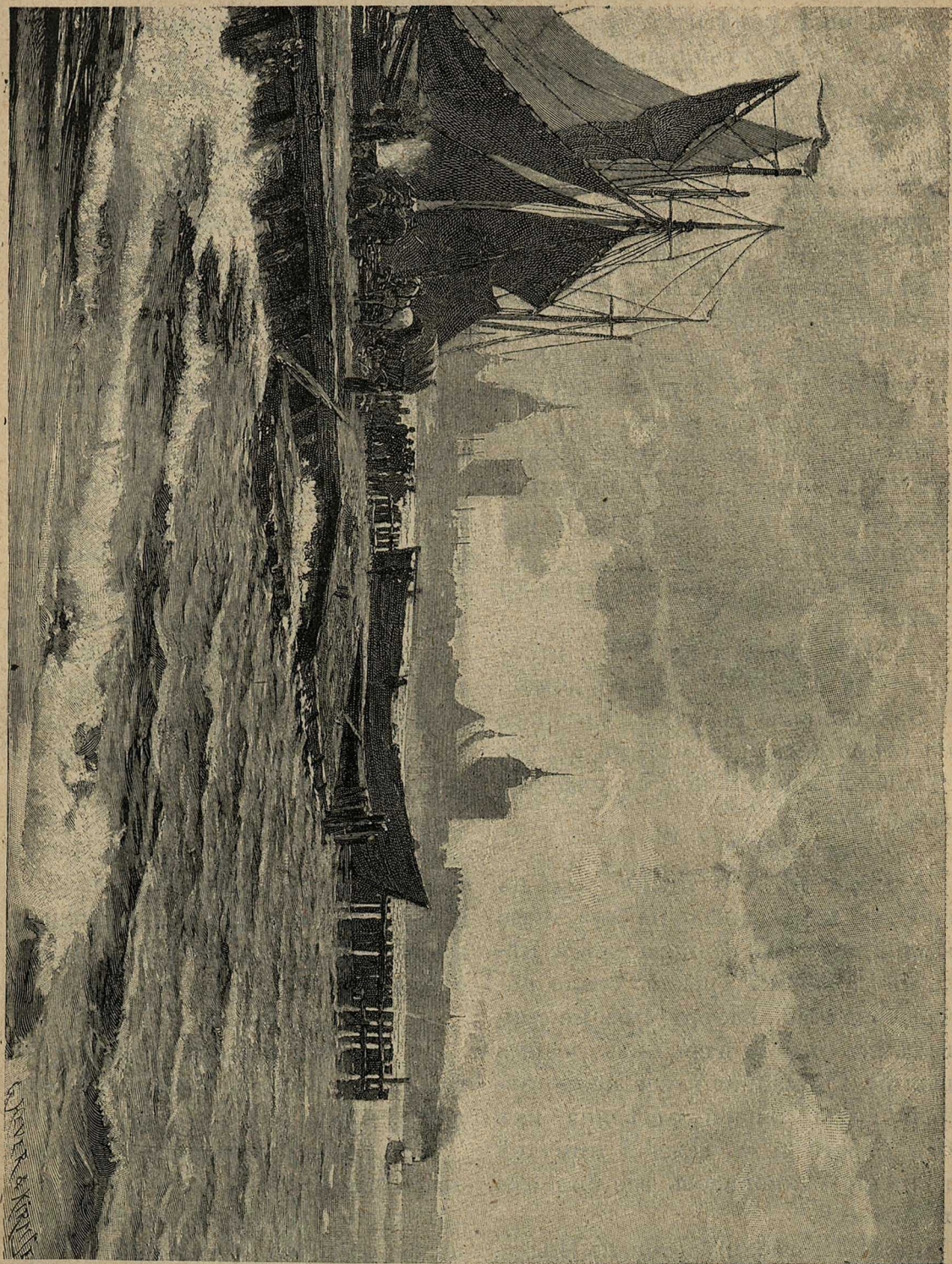
Но его не слышалъ никто. Между тѣмъ море становилось все бурнѣе и злѣе, пошелъ крупный дождь и желанный берегъ исчезъ за его сѣрой пеленой.

— Фрося! Фрося!

— Кричи сильнѣе! сказалъ Вова.—Твой голосъ тоньше и слышнѣе, чѣмъ мой.

И, удвоивъ силы, они оба стали звать на помощь.

Вдругъ откуда-то издалека донесся до нихъ чуть слышный голосъ Фроси:—

Видъ Копенгагена въ Дани.

У острова Капри въ Италіи.

— Вова!.. Настя!.. Дѣти!..

Они оба протянули къ этому голосу руки.

— Фрося! Фрося! закричали они опять.— Спаси насъ! Мы погибаемъ!

И почти тотчасъ-же снова слышался съ берега голосъ Фроси и вслѣдъ затѣмъ раздался заунывный вой Шарика.

Дождь пересталъ на минутку, дѣти снова увидѣли берегъ и на немъ Фросю и Шарика. Увидѣвъ съ своей стороны дѣтей, Фрося замахала имъ руками, что-то крикнула и со всѣхъ ногъ убѣжала куда-то за деревья.

— Она бросила насъ! сказала со вздохомъ Вова.— Она не желаетъ намъ помочь!

И ему пришло на умъ, какъ высокомерно они вели себя съ Фросей. Развѣ они не презирали ее и не давали ей всякій разъ понять, что она ниже ихъ и недостойна быть ихъ подругой? Вотъ они и наказаны теперь и имъ ничего больше не остается, какъ терпѣливо ожидать своего конца и готовиться погибнуть каждую минуту и съ каждой набѣгающей волной.

Настя стала молиться.

— Господи, прости насъ! шептала она.— Выручи насъ отсюда!

Но вотъ Фрося показывается у моря снова... Какое счастье! Она спѣшитъ, тащитъ большой мотокъ веревки и начинаетъ привязывать одинъ ея конецъ за выступъ ка-

меня. Затѣмъ, обмотавъ вокругъ себя всю остальную веревку, она храбро бросается въ море и, распуская на ходу веревку, то идетъ въ бродъ, то плыветъ по водѣ, такъ что чуть замѣтной становится ея голова. Но вотъ два-три усилія и она невредимо выходитъ на тотъ камень, на которомъ, прижавшись одинъ къ другому, всѣ мокрые, въ испугѣ, стоятъ Вова и Настя и стучать зубами.

— Фрося, милая... говорятъ они.— Спасибо тебѣ, голубушка... Прости насъ...

Она устала, запыхалась и хватается ихъ за руки.

— Умѣете плавать? спрашиваетъ она.

— Нѣтъ... отвѣчаетъ Вова.

— Я такъ и знала!.. Для того я и захватила эту веревку.

И привязавъ другой конецъ веревки къ выступу камня, на которомъ они находились всѣ, она стала сводить ихъ въ воду.

— Не бойтесь, сказала она.— Я васъ сведу!.. Держитесь только лѣвой рукой за веревку, а правой за меня! Передвигайтесь по веревкѣ къ берегу! Я не дамъ вамъ утонуть!

Но едва только они спустились въ воду, какъ набѣжала громадная волна и покрыла ихъ съ головою. Настя испугалась, выпустила нечаянно веревку изъ руки и всею своею тяжестью повисла на шеѣ у Фроси. Вова тоже испугался и

отъ страха снова выбѣжалъ на камень.

— Въ такомъ случаѣ жди меня здѣсь! крикнула ему Фрося. — Я сейчасъ вернусь!

Обхвативъ Настю одной рукой за талию, а другой держась за веревку, Фрося поплыла со своей тяжелой ношей къ берегу.

Вова дрожалъ. Возвратится-ли къ нему Фрося? Спасетъ-ли она и его? Хватитъ-ли у нея силъ донести до берега двоихъ?

А между тѣмъ Настя такъ крѣпко схватила Фросю за шею, что ей тяжело было дышать. Волны заливали обѣихъ.

— Настюша, мнѣ тяжело... сказала Фрося. — Не сжимай меня такъ, а то я задохнусь. Держись лучше за веревку!

Но въ страхъ за жизнь, Настя еще крѣпче сжала Фросю и не давала ей дышать.

Но вотъ уже и берегъ. Фрося выходитъ изъ воды и кладетъ Настю на берегъ. Около нея съ лаемъ и визгомъ носится Шарикъ, обрадовавшійся ея появленію.

А море становится все злѣе и злѣе и его волны достигаютъ уже такой вышины, что за ними уже не видно ни прибрежныхъ камней, ни того камня, на которомъ остался Вова.

Теперь настала самая опасность. Если Вова пойдетъ на берегъ, то волны все равно подхватятъ его и разобьютъ о камни. Фрося зна-

еть это, ей страшно, ей еще хочется жить, но сознание долга одерживаетъ верхъ и она опять смѣло пускается въ путь.

Волны шумятъ и брызжутъ надъ ея головой, соленая вода забивается ей въ уши и въ ноздри и ѣстъ глаза. Но она дѣлаетъ надъ собой усиліе и снова появляется на камнѣ. Ей только двѣнадцатый годъ. Вова такого-же роста, какъ и она, но сильнѣе ея. Онъ тоже хватаетъ ее за шею, тоже сжимаетъ ее такъ, что ей тяжело дышать, и когда она доплываетъ съ нимъ до середины пути, то силы ее оставляютъ, она лишается чувствъ и погружается въ воду...

Но Вова уже слышитъ подъ собой песокъ. Онъ освобождаетъ ея шею, хватается обѣими руками за веревку и невредимо выходитъ на берегъ.

Что-же Фрося? Неужели она погибла?

Кто знаетъ?

Дѣти видятъ, что ея нѣтъ, и въ ужасъ бѣгутъ къ дядѣ, на хуторъ, и рассказываютъ ему все. А когда десять минутъ спустя, на берегу собирается цѣлая толпа людей, чтобы помочь Фросѣ, то она находитъ ее на пескѣ, всю мокрую и блѣдную, какъ смерть. Волны выбросили ее на берегъ. Ее берутъ на руки, несутъ ее къ дядѣ въ домъ и, точно покойницу, опускаютъ на террасу. Дядя и тетя начинаютъ ее отирать, дѣлаютъ

ей искусственное дыханіе и хлопчуть надъ нею до тѣхъ поръ, пока не приводятъ ее въ чувство. Она открываетъ глаза и обводитъ ими по сторонамъ.

— А гдѣ дѣти? спрашиваетъ она.—Спаслись-ли они?

И она снова закрываетъ глаза и опять впадаетъ въ забытѣе.

— — —

Вова и Настя провели печальные часы. Вызванный по телеграммѣ докторъ цѣлыя сутки провелъ около Фросиной кровати. Бѣдняжка все время находилась въ забытѣи и, повидимому, жизнь ея находилась въ опасности. Но докторъ употребилъ всѣ свои усилія, чтобы спасти ее, и когда она открыла глаза и на этотъ разъ уже поглядѣла на всѣхъ съ радостью жизни, то это было большимъ праздникомъ въ домѣ дяди Сергѣя Гаврилыча. Вова и Настя бросились къ ней, стали ее обнимать и цѣловать и вдругъ слезы потекли у мальчика по щекамъ. Отъ радости или отъ угрызений совѣсти? Онъ и самъ не могъ этого сказать. Вѣроятно, и отъ того и отъ другого. Но лучшихъ друзей теперь не было на бѣломъ свѣтѣ. И, подбѣгая по нѣскольку разъ въ день къ Фросѣ, которая выздоравливала и сидѣла поэтому въ креслѣ у окна, они начинали занимать ее разными рассказами и то и дѣло показывали ей свои игрушки.

— Только скажи, и мы будемъ играть съ тобою съ самаго утра! говорили они.

Она опускала глаза, ей было неловко и она отъ скромности молчала.

На четвертый день Фросѣ доставили съ почтовой станціи письмо. Она распечатала его и въ немъ оказался бесплатный билетъ по желѣзной дорогѣ. Ея отецъ Григорьевъ звалъ ее къ себѣ и просилъ Сергѣя Гаврилыча доставить ее въ Севастополь, посадить тамъ ее въ вагонъ и дать ей на дорогу два рубля.

Это было для всѣхъ неожиданностью. Тетѣ и дядѣ было жаль ее отпускать, а дѣтямъ было и досадно и обидно, что она должна была уѣхать отъ нихъ именно теперь, когда все такъ наладилось хорошо и когда между ними и Фросей завязалась такая нѣжная, довѣрчивая дружба.

— Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ мы не дружили съ ней раньше! вздохнула Настя.

Вова не отвѣтилъ ничего, отошелъ къ окну и сталъ молча глядѣть въ садъ.

Начались сборы въ дорогу. Совершенно уже поправившаяся Фрося хваталась то за одно, то за другое, ей хотѣлось и ѣхать къ отцу, и въ то-же время остаться у Сергѣя Гаврилыча съ дѣтьми. Но билетъ не ждалъ, нужно было рѣшиться—и Фрося поѣхала.

Подана была бричка въ одну лошадь, она простилась со всѣми, сѣла въ нее, положила въ ноги узелочекъ съ вещами и уѣхала.

— До свиданія! Прощай! закричали ей дѣти и замахали ей платками.

Они долго еще видѣли, какъ телѣжка поднималась въ гору, и какъ Фрося все оборачивалась и кивала имъ головой. Ахъ, если-бы она вернулась и пожила съ ними хоть еще съ мѣсяць, хотя-бы до того времени, когда и они тоже поѣдутъ въ Петербургъ!

Телѣжка скрылась за поворотомъ и они грустные, точно кого-то похоронили, возвратились въ домъ. Въ домѣ и во всемъ хуторѣ имъ показалось такъ пусто-пусто, точно Фрося занимала ихъ всѣ. Молча бродили овцы за каменной оградой уже безъ присмотра, и только одинъ Шарикъ сидѣлъ около нихъ на травѣ, высунувъ розовый языкъ. Вонъ тотъ камень, на которомъ на прошлой недѣлѣ спасла дѣтей Фрося, но теперь море тихое и гладкое, какъ зеркало. Вонъ и лодка, на которой они катались съ дядей, когда Фрося управляла парусомъ. Какъ здѣсь все было полно воспоминаній объ этой простой, крестьянской дѣвчкѣ, которой сразу они не сумѣли понять и оцѣнить!

— Скучно! вздохнулъ Вова.

— Да, скучно, отвѣтила и Настя. — Тоскливо какъ-то!..

И они долго еще бродили, безъ дѣла по усадьбѣ и не знали, за что имъ взяться.

Такъ протекли еще недѣли и наступилъ конецъ августа. Стало рано смеркаться, ночи стали длиннѣе, но въ Крыму все еще было тепло. Цвѣли розы. Поспѣли виноградъ и груши. Повсюду трещали цикады. По ночамъ на темномъ небѣ вспыхивали яркія, какъ алмазы, звѣзды и когда далеко въ морѣ шелъ пароходъ и въ немъ мелькали огоньки, то казалось похожимъ на сказку. Вова и Настя были довольны. Съ теченіемъ времени они привыкли къ разлукѣ съ Фросей и теперь бѣгали по всему хутору дяди, истребляли виноградъ и фрукты и только иногда вспоминали о Петербургѣ, гдѣ теперь шли холодные дожди, и о своей подругѣ, которая уѣхала къ отцу и не написала имъ еще ни одной строки.

— А вѣдь скоро, дѣтки, въ Петербургъ! какъ-то обратился къ дѣтямъ Сергѣй Гаврилычъ.

Вова и Настя поморщились, ничего не отвѣтили и выбѣжали въ садъ.

И точно дядя напророчилъ. На другой же день отъ папы Петра Гаврилыча пришло изъ Петербурга письмо, въ которомъ онъ благодарилъ брата за оказанный его дѣтямъ приѣмъ и просилъ его прислать ихъ поскорѣе къ нему на сѣверъ. Уже пора, писалъ онъ,

Вовѣ поступать въ гимназію, а Настю онъ рѣшилъ отдать въ какой-нибудь дѣтскій садъ, чтобы она тоже постепенно пріучалась къ мысли объ институтѣ.

Медлить было нечего. Стали собирать дѣтей въ дорогу, напекли имъ пирожковъ, нарѣзали бутербродовъ, уложили чемоданъ и послѣ долгихъ вздоховъ, аханій, оховъ и сожалѣній посадили ихъ наконецъ въ экипажъ. Самъ чядя повезъ ихъ до Севастополя. Тетя долго стояла на крыльцѣ и махала имъ платкомъ. Все время у нея были заплаканные глаза.

Въ Севастополѣ Сергѣй Гаврилычъ усадилъ дѣтей въ вагонъ, попросилъ оберъ-кондуктора и кое-кого изъ публики приглядѣть за ними, простился съ ними, крѣпко прижалъ ихъ къ себѣ, смахнулъ наверху сходящую слезу— и поѣздъ двинулся въ далекій путь.

— Вы-же, дѣтки, будьте осторожны! говорилъ дядя въ окно, продолжая бѣжать по платформѣ рядомъ съ поѣздомъ.—Какъ только пріѣдете, скажите папѣ, чтобы онъ непременно прислалъ мнѣ телеграмму! Я буду безпокоиться!

Но поѣздъ обогналъ дядю и, точно обрадовавшись свободѣ, побѣжалъ поскорѣе на сѣверъ. Севастополь, туннели, мосты, затѣмъ скучныя Таврическія и Новороссійскія степи остались позади и все утонуло во мракѣ ночи. Ког-

да-же дѣти проснулись, то свѣтило солнце и было уже свѣжо. Чувствовалась, что съ каждымъ оборотомъ колеса все ближе и ближе придвигались къ сѣверу. Вотъ Лозовая, вотъ Синельниково, вотъ Харьковъ,—поѣздъ движется гораздо медленнѣе, чѣмъ въ тотъ разъ, когда дѣти ѣхали въ Крымъ, онъ останавливается теперь на каждой станціи и на каждомъ полустанкѣ, но Вовѣ и Настѣ это нравится и они то и дѣло выбѣгаютъ на платформу на каждой остановкѣ и разминаютъ уставшіе члены.

Опять ночь, опять яркое, но уже морозное утро. Когда дѣти просыпаются, то въ вагонѣ холодно, всѣ стекла запотѣли и на всемъ— на поляхъ, на желѣзнодорожномъ полотнѣ и на попадающихся по пути будкахъ лежитъ бѣлый иней. Но проходитъ часъ, другой, огнемъ солнечнымъ разгорается яркій день и снова становится тепло и отъ покраснѣвшихъ осинъ и пожелтѣвшихъ березъ доносится особый, осенній запахъ.

Осень, осень! Какъ скоро миновало пышное, счастливое лѣто!

Но вотъ поѣздъ остановился на какомъ то неизвѣстномъ полустанкѣ. Вѣроятно, онъ пришелъ раньше, чѣмъ полагалось по росписанію, потому что прошла минута, другая, третья,—а онъ все не двигался дальше.

— Давай, выйдемъ! сказалъ Вова.

— Давай! отвѣтила Настя.

И они вышли на платформу.

И вдругъ къ нимъ подбѣжала какая-то желтоватая собака и съ радостнымъ визгомъ бросилась къ нимъ и стала подпрыгивать и лизать ихъ въ самыя лица.

— Фрина!! обрадовались дѣти.— Откуда ты взялась? Фрина! Здравствуй, Фрина!

Они отъ радости не знали, что дѣлать и какъ поступить. У нихъ захватило дыханіе, имъ хотѣлось прыгать, крикнуть всѣмъ, что нашла ихъ любимая собака, а Фрина тоже прыгала, визжала и бросалась къ нимъ на грудь.

— Фриночка, Фрина, Фрина! ласкали они ее.—Хорошая наша собака!..—Гопъ!

И вдругъ поѣздъ тронулся.

— Скорѣй! Скорѣй! закричали дѣтямъ изъ вагона пассажиры.— Бѣгите скорѣе въ вагонъ!

Но было уже поздно.

Въ удивленіи, не зная, что дѣлать, дѣти стояли на платформѣ и изумленными глазами смотрѣли на удалявшійся отъ нихъ поѣздъ. Теперь они остались одни, какъ на необитаемомъ островѣ. Кругомъ было все чуждо, ихъ вещи уѣхали въ поѣздъ, и они почувствовали себя такъ безнадежно, какъ на томъ камнѣ, съ котораго ихъ спасла когда-то Фрося. Что имъ оставалось дѣлать? Фрина все еще ласкалась къ нимъ, но имъ уже хотѣлось плакать и было не до собаки.

— Я пошлю телеграмму вслѣдъ, чтобы задержали ваши вещи, сказалъ имъ какой-то желѣзно-дорожный чиновникъ, повидимому, начальникъ полустанка.—Вечеромъ пойдетъ слѣдующій поѣздъ и вы поѣдете на немъ.

Онъ былъ скучный, сонный, вѣроятно, не спалъ всю ночь, и ему было не до дѣтей. Скоро весь полустанокъ опустѣлъ. Слышно было только, какъ въ конторѣ постукивалъ телеграфъ, да какъ въ сарайчикѣ мычали уныло коровы. Ожидать до вечера! Вѣдь это цѣлый день! А затѣмъ ѣхать въ чужомъ поѣздѣ, безъ вещей, съ чужими людьми и, быть можетъ, не спать цѣлую ночь!

— Что-же намъ теперь дѣлать? спросилъ Вова.

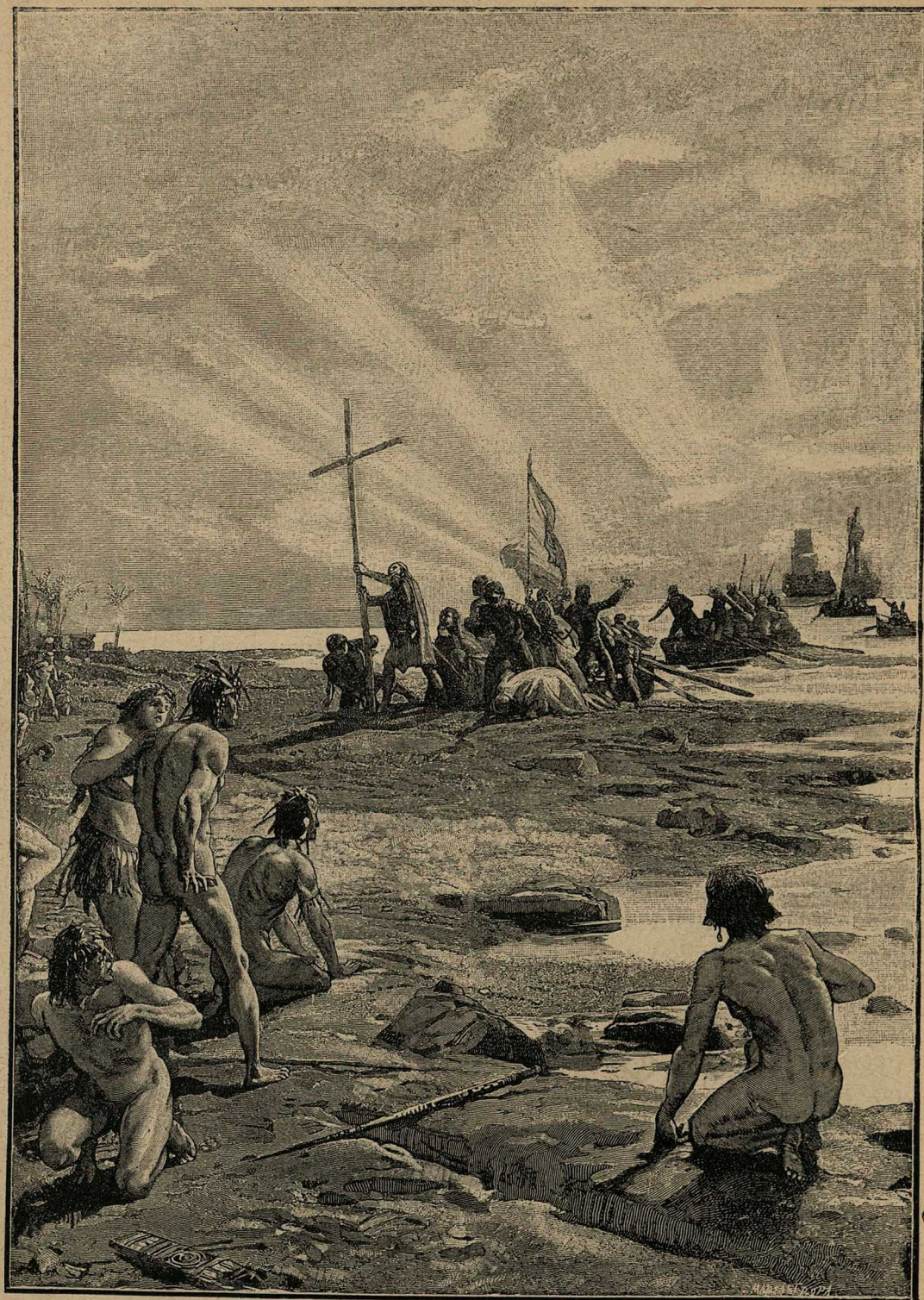
Пришелъ длинный-длинный товарный поѣздъ и сталъ на запасномъ пути. Вѣроятно, ему придется стоять здѣсь очень долго, потому что его локомотивъ точно погасъ.

— Мнѣ хочется кушать... сказала Настя.

Вовѣ и самому уже хотѣлось ѣсть. Но что ѣсть? Гдѣ было взять ѣды?

Они сѣли на лавочку и грустно стали смотрѣть передъ собой. Полустанокъ былъ совсѣмъ на необитаемомъ мѣстѣ. Около него не было ни построекъ, ни деревни и только во всѣ стороны тянулся пожелтѣвшій березовый лѣсъ.

— Да чего ты меня тянешь,

Открытие Америки. Высадка Христофора Колумба на островъ Гвангани въ 1492 году.

Счастливая пора.

Фрина! вдругъ крикнулъ Вова, котораго Фрина уже давно тянула зубами за штаны.

— А интересно знать, сказала Настя, — Какъ могла попасть сюда наша Фрина?

— Очень просто, отвѣтилъ Вова. — Прибѣжала — вотъ и все! Когда мы оставили ее на той большой станціи, то она, вѣроятно, побѣжала влѣдъ за нами и вотъ успѣла до этого времени добѣжать только до сихъ поръ.

Настя вполнѣ удовлетворилась этимъ отвѣтомъ. Тѣмъ не менѣ Фрина настойчиво продолжала тянуть дѣтей куда-то вбокъ. Теперь она взяла уже Настю зубами за юбку и, жалобно и умоляюще скуля, потащила ее прочь съ платформы.

— Да куда-ты насъ тянешь? снова воскликнулъ Вова.

Тѣмъ не менѣ дѣти встали и пошли за собакой. Съ радостнымъ визгомъ она повела ихъ вдоль рельсъ туда, гдѣ начинался лѣсъ. Они вступили въ него, прошли по тропинкѣ по его опушкѣ, миновали семафоръ и вдругъ, минутъ черезъ пятнадцать ходьбы, увидели желѣзнодорожную сторожку. Она стояла какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ полотно пересѣкала проселочная дорога. Около чистенькой желтенькой избушки былъ огородъ, на которомъ стояли еще неснятыми кочны капусты. Ходили хохлатые куры. Привязанная за веревку корова бродила около самаго

полотна и щипала уцѣлѣвшую траву. Ворковали голуби. На всемъ лежалъ отпечатокъ скромнаго довольства и хозяйственности.

Фрина подвела дѣтей къ самому крыльцу и стала тащить ихъ въ домикъ.

— Развѣ зайти? спросилъ Вова. — Попросимъ у нихъ молока!

Они робко вошли въ избушку, въ которой вкусно пахло свѣжеиспеченымъ хлѣбомъ и показалось имъ такъ чисто, какъ не могло быть чисто даже въ городѣ. Фрина прошмыгнула впередъ ихъ и радостно завизжала.

— Кого я вижу! вдругъ раздался ласковый знакомый голосъ. — Вова! Настя! Какими судьбами?

Съ этими словами изъ-за стола выскочила дѣвочка и съ распростертыми руками, не зная, сонъ ли это, или дѣйствительность, бросилась къ дѣтямъ.

— Фрося!! взвизгнули дѣти. — Милая, дорогая Фрося!

Нужно-ли описывать, что было потомъ? Бываютъ въ жизни моменты, которые не поддаются никакому описанію и которые можетъ представить развѣ одна только музыка. Никакой писатель, никакой художникъ не въ состояніи ихъ описать или нарисовать, какъ невозможно для нихъ описать или нарисовать солнце такимъ, каково оно есть въ дѣйствительности. Начались объятія, поцѣлуи. Дѣти прыгали, визжали, не понимали, что

съ ними дѣлается, и когда наконецъ отъ нихъ отхлынуло первое впечатлѣніе радостнаго, неожиданнаго свиданія, то они сѣли и долго еще молчали и удивленными, радостными глазами оглядывали одинъ другого. Но это молчаніе было краснорѣчивѣе всякихъ фразъ и интереснѣе всѣхъ разговоровъ въ мірѣ.

Пришелъ Фросинъ отецъ Григорьевъ. Онъ очень удивился, заставъ у себя въ сторожкѣ гостей. Долго смѣялись на то, что дѣти прозѣвали поѣздъ. Героиня дня—Фрина все время вертѣлась у ногъ и скулила. Она была довольна. Затѣмъ сѣли обѣдать и Вовѣ и Настѣ показалось, что вкуснѣе тѣхъ щей, каши и картошки въ шелухѣ, которыя сварила Фрося, не могло быть ничего на свѣтѣ, а гулянье въ осеннемъ, пожелтѣвшемъ лѣсу показалось имъ волшебной сказкой.

— Знаешь, Фрося, обратился къ дѣвочкѣ Вова.—У тебя здѣсь лучше, чѣмъ въ Крыму!

— Еще бы! отвѣтилъ за дочь Григорьевъ.— Она здѣсь полная хозяйка и здѣсь у нея все свое! Лучше маленькое свое, чѣмъ большее чужое! Счастливъ не тотъ, кто имѣетъ, а тотъ кто доволенъ!

А затѣмъ наступилъ вечеръ. Послышалось громыханье пассажир-

скаго поѣзда и дѣтямъ нужно было уѣзжать. Ахъ, съ какимъ наслажденіемъ они остались-бы здѣсь со всѣмъ, ходили-бы по этимъ лѣсамъ, ѣли-бы эти щи и кашу и спали-бы подъ самымъ потолкомъ на полатахъ или на теплой печи! Но дѣлать было нечего, они сѣли въ поѣздъ и черезъ двѣ минуты тронулись уже въ путь.

— Прощай, Фрося! кричали они изъ окна вагона.—Прощай, Фрина! Пріѣзжайте къ намъ въ Петербургъ!

Но они отлично знали, что Фрося не поѣдетъ въ Петербургъ никогда, и у нихъ въ умѣ тотчасъ же мелькнула счастливая, показавшаяся имъ прекрасной, но пугливая мечта: не пріѣхать-ли имъ на будущій годъ на все лѣто къ Фросѣ? Какъ-бы это было хорошо!

И, высунувшись изъ вагона, Вова замахалъ Фросѣ шляпой и громко закричалъ:—

— До скорого свиданія! Мы пріѣдемъ къ тебѣ на все лѣто весной!

Она въ свою очередь замахала ему рукой. Онъ долго еще видѣлъ ея фигурку. Около нея стояла собака и тоже смотрѣла вслѣдъ удалявшемуся поѣзду. А затѣмъ замелькали на стрѣлкахъ огоньки, поѣздъ въѣхалъ въ лѣсъ и все утонуло въ непроницаемой темнотѣ.

Эльфъ.

МАРТЫШКА И ШЛЕЙФЪ.

БАСНЯ.

Всѣ знаютъ,
Какъ намъ мартышки подражають
И какъ по глупости своей.
Берутъ во всемъ примѣръ съ
людей.

Узнавъ изъ моднаго журнала,
Что дамы стали шлейфъ носить,
Мартышка выкройку достала
И стала шлейфъ себѣ кроить.
И такъ она при этомъ разсуждала:

— „Хотя матеріи и мало,
„Но такъ какъ шлейфъ намъ
удлиняетъ ростъ,
„То прицѣплю къ себѣ на хвостъ
„Я эту маленькую тряпку!

„Навѣрно, съ ней
„Казаться буду я моднѣй!“
И вотъ, надѣвъ перчатки, шляпку
И взявши муфту и лорнетъ,
Мартышка выѣхала въ свѣтъ.

Одни надъ нею попросту смѣя-
лись,

Другіе модѣ удивлялись,
А третьи лишь тайкомъ хихикали
въ кулакъ.

И вдругъ случилось такъ,
Что мода круто измѣнилась
И вмѣсто юбки, длинной до земли,
Которая тянулась по пыли
И по панели волочилась

Вдругъ юбки стали шить совсѣмъ
короче.
Мартышка въ ужасѣ. Слеза бѣжитъ
на очи.

Какъ ей тутъ быть?
Какъ юбку изъ хвоста скроить?
Какъ сдѣлать такъ, чтобъ онъ не
волочился,

И чтобъ фасонъ моднѣе получился?
И вотъ Мартышка ножницы
беретъ,

Кривить отъ боли ротъ
И, вопреки природѣ,
Чтобъ поступить по модѣ,
Себѣ отрѣзываетъ хвостъ
И съ той поры становится
смѣшною.

Вы согласитесь вѣдь со мною,
Что смыслъ сей басни очень
простъ:

Какъ ни были-бъ сильны твои
желанья

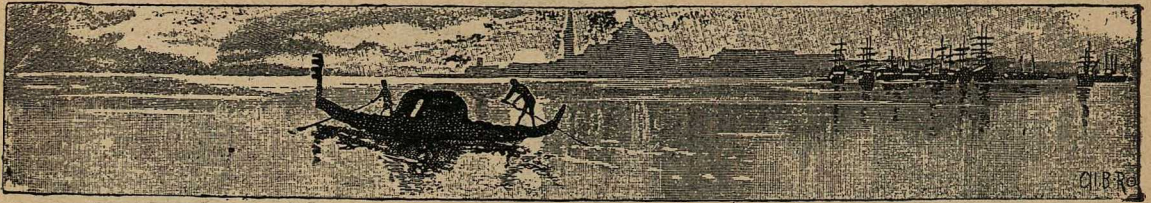
Во всемъ стремиться къ
подражанью,

Но надо иногда умѣрить ходъ,
Чтобъ изъ-за разныхъ модъ

Не вышло такъ,
Что стануть надъ тобой хихикать
всѣ въ кулакъ.

Ирисъ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Названія какихъ городовъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

1) Пройдетъ еще много времени, пока луга одѣнутся травой.

2) Выпалъ снѣгъ; кругомъ бѣло; стокъ воды изъ канавъ въ рѣку прекратился.

3) Нефть стала струиться мимо скважинъ, найдя себѣ другой выходъ.

4) Велико зло въ людяхъ, а доброты въ нихъ еще больше.

5) У ханскаго дворца росла астра; ханша вышла и сорвала ее.

II.

Слово состоитъ изъ 8 буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. Буквы 3. 4. 5. 1. 8 означаютъ мѣсто для про-

гулокъ, 3. 2. 1. 4 — казачье вооружение, 2. 5. 6. 7. 8 — цвѣтокъ.

Первая часть этого задуманнаго слова означаетъ какойнибудь свертокъ товара, а вторая — зерновой продуктъ.

Какое слово задумано?

III.

Почему женщины любятъ вышивать крестикомъ и гладью больше, чѣмъ шить сапоги?

IV.

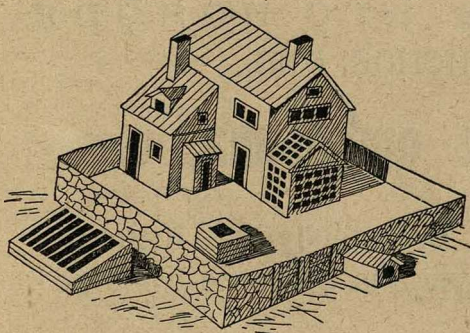
Зачѣмъ въ Крыму строятъ дачи?

V.

Какое полотно нельзя стирать?

VI.

Почему нельзя ходить на головѣ?

Модель приложенія къ этому номеру (ферма).

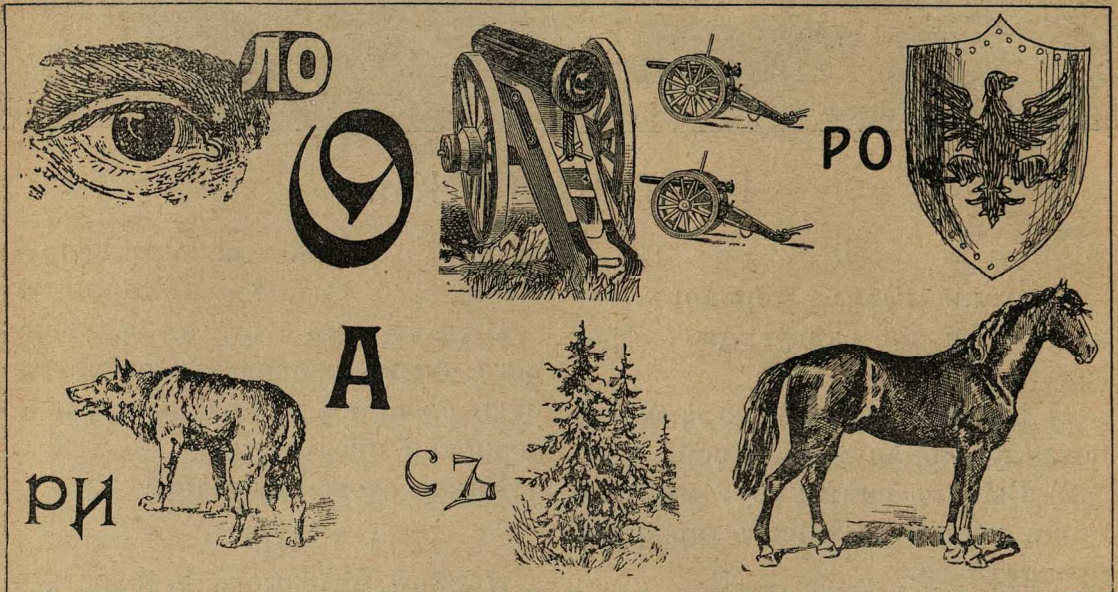
Рѣшите ребуса № 22 и головоломку, помѣщенныя въ № 22 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки: I, за дверью. II, сонъ, огни, срубъ, навать, актеръ = сосна. III, марка, образъ, соколъ, кума, воронъ, армія = Москва. IV, войско, русло, начинка = ворона. V, по воздуху. VI, за столомъ. VII, отъ станціи до станціи.

Ребусъ № 22. К + оси + ть + и + с + ушп + ть + тра + в + у на + в + ф + трубы + лоть + ру + дно = косить и сушить траву на вѣтру было трудно.

Вѣрные рѣшенія прислали: Анжелика Луцка, Тася Долганова, Саша, Лиза и Ежикъ Гаховичъ,

Ребусъ № 24

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

Шура Брукъ, Таня Давыдова, Таня и Алеша Неллигеръ, Ануса Лебединская, Аня Залвская, Таточка и Васюрочка Корсакъ, Михаилъ Гениссаретскій, Маусикъ, Антонина Балашова, Оля Шатуновская, Марина Данилова, Юля Эрдманъ, Жени и Георгій Вебсъ, Леонардъ и Эдгаръ фонъ-Рихтеръ, Дода Эренбургъ, Владя

Осовскій, Станиславъ Маркевичъ, Володя Приходько, Михаилъ Михайловъ, Вѣра Устинова, Георгій Огаревъ, С. Н. Соболевъ, Липа Реутова, Мура Гапѣва, Катюша Десятникова, Шура Засенко, Любочка Ковалева, Лина Гонжалова, Зося и Дуня съ Б. Охты, Котя, Вася и Аля Федоровы.

—❖— Это уже послѣдній номеръ „Золотого Дѣтства“ за текущей годъ.

Не забудьте, что съ 1-го ноября начинается новый подписной годъ. ❖—

—□— **Подписка уже открыта.** □—

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Каменно-островскій пр., 26, Редакція журнала „Золотое Дѣтство“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>		<i>Стран.</i>
Азрекъ	257	Лѣтомъ (стих.)	435, 604
Анюта	584	Лѣтнее утро (стих.)	488
Апрѣль (стих.)	327	Лѣтній вечеръ (стих.)	443
Боря и Милордъ	512	Маленькая Жанна	701
Братъ и сестра (повѣсть)	290	Маленькіе инженеры	321
✓ Великій постъ (стих.)	308	Маленькій Петька	118
Весна (стих.)	380	Мартышка и шлейфъ	770
Весна, весна! (стих.)	290	Милая пора (стих.)	512
Вечерняя тишь (стих.)	520	Морозный вечеръ (стих.)	167
Воспоминанія скворца	194	На корабликъ	354
Въ саду зимой (стих.)	750	На лѣсной полянкѣ (стих.)	267
Въ Костромскихъ лѣсахъ	225	Незнакомая дама	671
Въ мартъ (стих.)	318	Нищая и собака или сказка о добротѣ	543
Въ глубинѣ парка	330	Ночь (стих.)	628
Въ холодный дождь (стих.)	531	Осенній мотивъ (стих.)	2 и 721
Въ лѣтній зной (стих.)	562	Октябрь	732
Въ іюль (стих.)	580	Оттепель (стих.)	276
Въ саду (стих.)	584	Первый свѣжокъ (стих.)	15
Въ огородъ (стих.)	659	Пернатые ткачи	34
Въ осенній дождь	708	Поздняя осень (стих.)	66
Глубокая осень (стих.)	689	Пора уже! (стих.)	207
Гроза прошла (стих.)	420	Послѣ святокъ (стих.)	194
✓ Два принца	53	Послѣ дождя (стих.)	405
Двѣ сиротки (повѣсть) 16, 42, 76, 110, 130, 168, 210, 245, 276, 308, 340, 366, 405		Похожденія маленькой Ирены (повѣсть) 456, 498, 520, 563, 597	
Двѣ дѣвочки	732	Принцъ и розовый кустъ	443
Джекъ и Жакъ	424	Разсказъ муравья	380
Доблестный Фаро	435	Разсказъ косули	712
Дѣвочки	648	Раннее утро (стих.)	469
Дядя полковникъ (повѣсть)	660, 689	Скоро весна (стих.)	244
Елка (стих.)	98	Скоро осень (стих.)	616
Записки слона	142	Свѣжная фея	182
Записки бѣлки	161	Совушка	66
Записки журки	744	Тепломъ повѣяло (стих.)	456
Записки мартышки	552	Томъ (исторія о собакѣ)	532
Записки горицлы	680	Тогда и теперь (стих.)	39
Записки пуделя	629	Топсикъ	2
Завѣтная прялка	616	Три пары и одинъ (стих.)	158
Звуки моря	605	Три ласточки и эльфъ	488
Зеркало принцессы	87	У вечерни (стих.)	394 ✓
Зимой (стих.)	109	Уже Октябрь!	754
Зимой въ лѣсу (стих.)	141	Фея солнечныхъ лучей	472
Зимой въ деревнѣ (стих.)	34	Фрося и Фрина (повѣсть)	721, 754
Зимніе мотивы (стих.)	130	Христосъ воскресъ! (стих.)	340 ✓
✓ Ключъ счастья	640	Черемухи цвѣтутъ (стих.)	365
Когда зажигается елка	98	Честный Троль	572
Кузнецъ и его внучка	395	Фединька	267

Годъ седьмой.

**ОКРЫТА ГОДПИСКА
НА**

художественно-литературный журналъ
ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей **М. П. Чехова.**

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

12 **ВЫРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ** для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

24 **ПРИЛОЖЕНІЯ** для склеиванія (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.), а именно:

1) Аэропланъ. 2) Вилла. 3) Телѣга съ лошадкой. 4) Автомобиль. 5) Гуси домой! (игра). 6) Деревенская усадьба. 7) Письменный столъ, кресло и стулья. 8) Турецкій диванъ, тумбочка и шкафъ. 9) Русская тройка. 10) Осель летаетъ! (игра). 11 и 12) Вокзалъ желѣзной дороги съ поѣздомъ. 13) Вагонъ трамвая. 14) Водяная мельница. 15) Шарабанъ. 16) Автомобильныя гонки (игра). 17) Столовые часы (модель). 18) Игра въ путешествіе. 19) Швейцарскій домикъ. 20) Античная ваза. 21) Пароходъ. 22) Кто скорѣе? (игра). 23 и 24) Городокъ XVI вѣка.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„НАЙДЕНЫШЪ и ПОДКИДЫШЪ“.

Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ.

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей. приучающимъ ихъ ориентироваться въ «царствѣ смекалки».

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности „Золотое Дѣтство“ является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки юродскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Моск. и Петербурга.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель **М. П. ЧЕХОВЪ.**

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-ГО НОЯБРЯ.

L

1. 2.

ST. 11

11

Годъ изданія седьмой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1914 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

8 ДЛ Я ДѢТ ЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

△ Подписной годъ съ 1-го Ноября. △

Выходить ДВА РАЗА въ мѣсяць (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

≡ При каждомъ номерѣ приложенія ≡

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровскій 26, и въ навѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

Годъ изданія шестой.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1913 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛ Я ДѢТ ЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходить два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

≡ При каждомъ номерѣ приложенія ≡

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровскій 26, и въ навѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

✓

